

Online ISSN 2335-2388

mokslo darbai transactions

RESPECTUS PHILOLOGICUS

2013 Nr. 24 (29)

RESPECTUS PHILOLOGICUS Nr. 24 (29)

MOKSLINIS TĖSTINIS LEIDINYS

Leidžia Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas ir Jano Kochanovskio universiteto Humanitarinis fakultetas Kielcuose du kartus per metus (balandžio 25 d. ir spalio 25 d.).

Mokslo kryptis: filologija (04H). Mokslo sritys: gramatika, semantika, semiotika, sintaksė (H 352), bendroji ir lyginamoji literatūra, literatūros kritika, literatūros teorija (H 390).

Pagrindinės kalbos: lietuvių, lenkų, anglų, rusų.

CZASOPISMO NAUKOWE

Wydawcy: Uniwersytet Wileński – Wydział Humanistyczny w Kownie oraz Uniwersytet Jana Kochanowskiego – Wydział Humanistyczny w Kielcach. Ukazuje się dwa razy w roku: 25 kwietnia i 25 października.

Kierunek naukowy: filologia (04H). Dyscypliny naukowe: gramatyka, semiotyka, semantyka, syntaktyka (H 352), literatura ogólna i porównawcza, krytyka literacka, teoria literatury (H 390).

Podstawowe języki: polski, litewski, angielski i rosyjski.

ONGOING ACADEMIC PUBLICATION

Published twice a year (April 25, October 25) by Vilnius University Kaunas Faculty of Humanities and The Jan Kochanowski University in Kielce Faculty of Humanities.

Scientific field: philology (04H). Research areas: grammar, semantics, semiotics, syntax (H 352), general and comparative literature, literary criticism, literary theory (H 390).

The journal accepts articles and correspondence written in English, Lithuanian, Polish, and Russian.

DUOMENŲ BAZĖS / BAZY DANYCH / ABSTRACTING AND INDEXING

Elektronische Zeitschriftenbibliothek (2002) Arianta (2002)	Frei zugängliche E-Journals Universitätsbibliothek Regensburg
Balcan Rusistics (2004)	Naukowe i branżowe polskie czasopisma elektroniczne Biblioteka Uniwersytetu Śląskiego
C.E.E.O.L. (2005)	Russian Language, Literature and Cultural Studies Central and Eastern European Online Library DFG Nationallizenzen
EBSCO (2006)	Humanities International Complete Humanities Source Current Abstracts Humanities International Index TOC Premier
MLA (2007)	Modern Language Association International Bibliography
Index Copernicus (2008)	Index Copernicus International Journal Master List
Lituanistika (2011) Linguistic Bibliography Online (2012) Ulrichs (2013)	The database of the humanities and social sciences in Lithuania Brill Leiden, Netherlands Ulrich's Periodicals

PATIKRA / WERYFIKACJA / VERIFICATION

Redakcijos adresas / Adres redakcji / Address of the editorial board

Žurnalas „Respectus Philologicus“
Vilniaus universitetas
Kauno humanitarinis fakultetas
Muitinės g. 8, LT-44280 Kaunas, Lietuva

Respectus Philologicus
Vilnius University
Kaunas Faculty of Humanities
Muitines 8, Kaunas 44280, Lithuania

Tel. +370 37 750 536

El. paštas / E-mail respectus@gmail.com

Interneto svetainė / Strona internetowa / Homepage <http://filologija.vukhf.lt>

Moksliniai ir kalbos redaktoriai / Redakcja naukowa i językowa / Proof-readers

Gabija Bankauskaitė-Sereikienė (lietuvių kalba / język litewski / Lithuanian language)
Kazimierz Luciński, Beata Piasecka (lenkų kalba / język polski / Polish language)
Algis Braun (anglų kalba / język angielski / English language)
Eleonora Lassan, Viktorija Makarova (rusų kalba / język rosyjski / Russian language)

Vertimas / Tłumaczenie / Translation

Beata Piasecka, Živilė Nemickienė

Pagrindinė redaktorė / Redaktor prowadzący / Publishing editor

Viktorija Makarova

Print ISSN 1392-8295, Online ISSN 2335-2388

© Vilniaus universiteto Kauno humanitarinis fakultetas, 2013

© Uniwersytet Jana Kochanowskiego – Wydział Humanistyczny w Kielcach, 2013

REDAKTORIŲ KOLEGIJA — KOLEGIUM REDAKCYJNE

- Eleonora Lissan** VU KHF profesorė, habil. dr. (04H), Lietuva, *vyriausioji redaktorė*
 Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr hab. (04H), Litwa, *redaktor naczelny*
- Kazimierz Luciński** Jano Kochanovskio universiteto Kielcuose profesorius, habil. dr. (04H), Lenkija, *vyriausiosios redaktorės pavaduotojas*
 Profesor Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, dr hab. (04H), Polska, *zastępcza redaktora naczelnego*
- Irina Oukhvanova-Shmygova** Baltarusijos valstybinio universiteto profesorė, dr. (04H), Baltarusija, *vyriausiosios redaktorės pavaduotoja*
 Profesor Białoruskiego Uniwersytetu Państwowego, dr (04H), Białoruś, *zastępcza redaktora naczelnego*
- Gabija Bankauskaitė-Sereikienė** VU KHF profesorė, dr. (04H), Lietuva, *atsakingoji sekretorė*
 Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr (04H), Litwa, *sekretarz kolegium*
- Daiva Aliūkaitė** VU KHF docentė, dr. (04H), Lietuva
 Docent Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr (04H), Litwa
- Danutė Balšaitytė** VU Užsienio kalbų instituto profesorė, dr. (04H), Lietuva
 Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Instytut Języków Obcych, dr (04H), Litwa
- Wiesław Caban** Jano Kochanovskio universiteto Kielcuose profesorius, habil. dr. (05H), Lenkija
 Profesor Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, dr hab. (05H), Polska
- Renato Corsetti** Romos universiteto „La Sapienza“ profesorius, habil. dr. (04H), Italija
 Profesor Uniwersytetu Rzymskiego „La Sapienza“, dr hab. (04H), Włochy
- Anatolij Chudinov** Uralo valstybinio pedagoginio universiteto profesorius, dr. (04H), Rusija
 Profesor Uralskiego Państwowego Uniwersytetu Pedagogicznego, dr (04H), Rosja
- Hans-Jürgen Diller** Bochumo Ruhro universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Vokietija
 Profesor Uniwersytetu Ruhry w Bochum, dr hab. (04H), Niemcy
- Aloyzas Gudavičius** Šiaulių universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Lietuva
 Profesor Uniwersytetu w Šiauliai, dr hab. (04H), Litwa

- Laima Kalėdienė** Lietuvių kalbos instituto vyriausioji mokslo darbuotoja, profesorė, dr. (04H), Lietuva
Starys pracownik naukowy, profesor w Instytucie Języka Litewskiego, dr (04H), Litwa
- Juris Kastinš** Latvijos universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Latvija
Profesor Uniwersytetu Łotewskiego w Rydze, dr hab. (04H), Łotwa
- Asta Kazlauskienė** Vytauto Didžiojo universiteto profesorė, dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Witolda Wielkiego, dr (04H), Litwa
- Jurij Kleiner** Sankt Peterburgo universiteto profesorius, habil. dr. (04H), Rusija
Profesor Uniwersytetu w Sankt Petersburgu, dr hab. (04H), Rosja
- Aleksandras Krasnovas** VU KHF profesorius, dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr (04H), Litwa
- Jadvyga Krūminienė** VU KHF profesorė, dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr (04H), Litwa
- Jurgita Mikelionienė** Kauno technologijos universiteto docentė, dr. (04H), Lietuva
Docent Uniwersytetu Technologicznego w Kownie, dr (04H), Litwa
- Gerald E. Mikkelson** Kanzaso universiteto profesorius, dr. (04H), JAV
Profesor Uniwersytetu w Kansas, dr (04H), USA
- Olegas Poliakovas** VU KHF profesorius, habil. dr. (04H), Lietuva
Profesor Uniwersytetu Wileńskiego – Wydział Humanistyczny w Kownie, dr hab. (04H), Litwa
- Marek Ruszkowski** Jano Kochanovskio universiteto Kielcuose profesorius, habil. dr. (04H), Lenkija
Profesor Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach, dr hab. (04H), Polska
- Yuri Stulov** Minsko valstybinio lingvistikos universiteto profesorius, dr. (04H), Europos „Amerikos studijų asociacijos“ Baltarusijos filialo prezidentas, Baltarusija
Profesor Państwowego Uniwersytetu Lingwistycznego w Mińsku, dr (04H), prezes białoruskiej filii Europejskiego Stowarzyszenia Studiów Amerykanistycznych, Białoruś
- Leona Tokor** Jeruzalės Žydų universiteto profesorė, habil. dr. (04H), Izraelis
Profesor Uniwersytetu Hebrajskiego w Jerozolimie, dr hab. (04H), Izrael

EDITORIAL BOARD

Eleonora Lissan	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania, <i>editor-in-chief</i>
Kazimierz Luciński	Professor (04H), The Jan Kochanowski University in Kielce, Poland, <i>deputy editor-in-chief</i>
Irina Oukhvanova-Shmygova	Professor (04H), Belarusian State University, Belarus, <i>deputy editor-in-chief</i>
Gabija Bankauskaitė-Sereikienė	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania, <i>managing secretary</i>
Daiva Aliūkaitė	Associate Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Danutė Balšaitytė	Professor (04H), Vilnius University (Institute of Foreign Languages), Lithuania
Wiesław Caban	Professor (05H), The Jan Kochanowski University in Kielce, Poland
Renato Corsetti	Professor (04H), Sapienza University of Rome, Italy
Anatolij Chudinov	Professor (04H), Ural State Pedagogical University, Russia
Hans-Jürgen Diller	Professor (04H), Ruhr University Bochum, Germany
Aloyzas Gudavičius	Professor (04H), Šiauliai University, Lithuania
Laima Kalėdienė	Professor (04H), Senior Researcher, Institute of the Lithuanian Language, Lithuania
Juris Kastinš	Professor (04H), University of Latvia, Latvia
Asta Kazlauskienė	Professor (04H), Vytautas Magnus University, Lithuania
Jurij Kleiner	Professor (04H), St. Petersburg State University, Russia
Aleksandras Krasnovas	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Jadvyga Krūminienė	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Jurgita Mikelionienė	Associate Professor (04H), Kaunas University of Technology, Lithuania
Gerald E. Mikkelsen	Professor (04H), The University of Kansas, USA

Olegas Poliakovas	Professor (04H), Vilnius University (Kaunas Faculty of Humanities), Lithuania
Marek Ruskowski	Professor (04H), The Jan Kochanowski University in Kielce, Poland
Yuri Stulov	Professor (04H), Minsk State Linguistic University, President of European Association for American Studies in Belarus, Belarus
Leona Toker	Professor (04H), The Hebrew University of Jerusalem, Izrael

TURINYS / SPIS TREŚCI

I. PROBLEMOS IR SPRENDIMAI / PROBLEMY I ICH ROZWIĄZANIA

- Aleksandras Krasnovas** (Lietuva / Litwa). Individuali ir bendruomeninė tapatybė bei jų sąveika grožinėje literatūroje..... 11
- Oleg Leszczak** (Lenkija / Polska). Społeczny i empiryczny charakter transcendentalnego antropocentryzmu Immanuela Kanta: problem istoty człowieczeństwa 21
- Bernard Sypniewski, M. Frankel Sypniewski** (JAV / USA). Patterns of Thought..... 36
- Наталья Клушина** (Rusija / Rosja). Интенциональный аспект современной стилистики..... 50

II. FAKTAI IR APMASTYMAI / FAKTY I ROZWAŻANIA

- Yuri Stulov** (Baltarusija / Białoruś). The Cityscape in the Contemporary African-American Urban Novel 65
- Анна Дашенко** (Ukraina / Ukraina). Личностное измерение стиля И-ань: ценностные установки Ли Цинчжао 72
- Gintarė Aleknavičiūtė** (Lietuva / Litwa). Domestication in the Translation of D. Brown's *The Da Vinci Code*..... 87
- Anna Wzorek** (Lenkija / Polska). Olgi Tokarczuk gra z regułami powieści kryminalnej (na podstawie *Prowadź swój plug przez kości umarłych*) 98
- Simona Amankevičiūtė** (Lietuva / Litwa). Kognityvusis požiūris į stereotipinius moters įvaizdžius vizualiojoje reklamos erdvėje..... 108
- Елена Казимянец** (Lietuva / Litwa). *Снег* в русской языковой картине мира 121
- Oskar Gawlik** (Lenkija / Polska). On *If* and *Whether* Complement Clauses of *See*, *Wonder*, and *Know* in Contemporary Spoken Academic American English: A Corpus-Based Study..... 131
- Евгений Зубков** (Lenkija / Polska). Словоупотребления *ксива* и *малява* в русском уголовном дискурсе..... 142
- Mihaela Culea** (Rumunija / Rumunia). “Middle Ground,” “Duality,” and “Diversimilarity” as Responses to Postcolonial and Global Challenges in Chinua Achebe's *The Education of a British-Protected Child* and *No Longer at Ease* 151
- Malgorzata Krzysztofik** (Lenkija / Polska). *Recepta duszna i cielesna przeciw powietrzu morowemu* ks. Hieronima Powodowskiego (XVI w.) – antropologiczny model lektury..... 162
- Malgorzata Przeniosło** (Lenkija / Polska). Nauczyciele akademicy na Uniwersytecie Stefana Batorego w Wilnie w okresie międzywojennym..... 176

III. NUOMONĖ / OPINIE I POGLĄDY

- Элеонора Лассан** (Lietuva / Litwa). О причинах вечности сказочных сюжетов
(на материале сказки «Мальчик с пальчик»)..... 194

IV. KONFERENCIJŲ MEDŽIAGA / MATERIAŁY KONFERENCYJNE

- Leszek Szymbański** (Lenkija / Polska). Language Awareness in an Internet Chat Room 203

V. SKAUDŪS KLAUSIMAI / DRAŹLIWE KWESTIE

- Viktorija Makarova** (Lietuva / Litwa). Priešo įvaizdžio formavimas Lietuvos žiniasklaidos
priemonėse: lenkų klausimas..... 213

VI. MOKSLINIO GYVENIMO KRONIKA / KRONIKA ŻYCIA NAUKOWEGO

Konferencijų apžvalgos / Konferencje

- Jurgita Astrauskienė** (Lietuva / Litwa). Tarptautinės mokslinės konferencijos „Tarp eilučių:
lingvistikos, literatūrologijos, medijų erdvė“ *TELL ME 2013* apžvalga 222

- Tatiana Larina** (Russia). Searching for Understanding in Cross-Cultural Communication.... 225

Knygų recenzijos / Recenzje książek

- Лара Синельникова** (Ukraina / Ukraina). ЧЕРВИНСКИЙ, П., 2012. *Язык советской
действительности: Семантика позитива в обозначении лиц*..... 230

- Michał Mazurkiewicz** (Lenkija / Polska). *Sport w sztuce. Sport in Art.* 2012.
M. KOZIOŁ, D. PIEKARSKA, M. A. POTOCKA (eds.)..... 237

- Anonsai / Zapowiedzi** 239

VII. REIKALAVIMAI STRAIPSNIAMS /

- ZASADY OPRACOWYWANIA PUBLIKACJI** 240

- VIII. MŪSŲ AUTORIAI / NASI AUTORZY** 248

CONTENTS

I. PROBLEMS AND SOLUTIONS

Aleksandras Krasnovas (Lithuania). The Interaction of Personal and Communal Identities in Literature	11
Oleg Leszczak (Poland). On the Social and Empirical Nature of Kant's Transcendental Anthropocentrism: The Problem of Human Nature	21
Bernard Sypniewski, M. Frankel Sypniewski (USA). Patterns of Thought.....	36
Natalia Klushina (Russia). The Intentional Aspect of Modern Stylistics	50

II. FACTS AND REFLECTIONS

Yuri Stulov (Belarus). The Cityscape in the Contemporary African-American Urban Novel ...	65
Ganna Dashchenko (Ukraine). The Identity Dimension of the <i>Yi-An</i> Style: The Value System of Li Qingzhao.....	72
Gintarė Aleknavičiūtė (Lithuania). Domestication in the Translation of D. Brown's <i>The Da Vinci Code</i>	87
Anna Wzorek (Poland). Olga Tokarczuk's Game with the Rules of Criminal Novels: The Case of <i>Plough Through the Bones of the Dead</i>	98
Simona Amankevičiūtė (Lithuania). Cognitive Approach to the Stereotypical Placement of Women in Visual Advertising Space	108
Jelena Kazimianec (Lithuania). Snow in the Russian Language Picture of the World.....	121
Oskar Gawlik (Poland). On <i>If</i> and <i>Whether</i> Complement Clauses of <i>See</i> , <i>Wonder</i> , and <i>Know</i> in Contemporary Spoken Academic American English: A Corpus-Based Study.....	131
Eugene Zubkov (Poland). Word Usage of <i>Ксива</i> and <i>Малыва</i> in Russian Criminal Discourse	142
Mihaela Culea (Romania). "Middle Ground," "Duality," and "Diversimilarity" as Responses to Postcolonial and Global Challenges in Chinua Achebe's <i>The Education of a British-Protected Child</i> and <i>No Longer at Ease</i>	151
Malgorzata Krzysztofik (Poland). The Anthropological Model of Reading "Prescription for Soul and Body Against Epidemic Air" by 16 th Century Priest Hieronim Powodowski	162
Malgorzata Przenioslo (Poland). The Academics at Stefan Batory University in Vilnius During the Interwar Period.....	176

III. OPINION

- Eleonora Lassar** (Lithuania). On the Imperishable Reasons of Fairy-Tale Plots:
The Case of *Tom Thumb* 194

IV. CONFERENCE MATERIAL

- Leszek Szymański** (Poland). Language Awareness in an Internet Chat Room 203

V. SENSITIVE ISSUES

- Viktorija Makarova** (Lithuania). The Formation of the Image of the Enemy
in Lithuanian Media Outlets: The Polish Question 213

VI. SCIENTIFIC LIFE CHRONICLE

Conferences

- Jurgita Astrauskienė** (Lithuania). Review of the International Scientific Conference
“Thought Elaboration: Linguistics, Literature, Media Expression” (TELL ME 2013) 222

- Tatiana Larina** (Russia). Searching for Understanding in Cross-Cultural Communication.... 225

Book reviews

- Lara Sinelnikova** (Ukraine). CZERWINSKI, P., 2012. *The Language of Soviet Reality: The Semantics of Positive Personal Evaluations* / ЧЕРВИНСКИЙ, П., 2012. *Язык советской действительности: Семантика позитива в обозначении лиц* 230

- Michał Mazurkiewicz** (Poland). *Sport w sztuce. Sport in Art*. 2012.
M. KOZIOŁ, D. PIEKARSKA, M. A. POTOCKA (eds.)..... 237

- Announcements** 239

- VII. REQUIREMENTS FOR PUBLICATION** 240

- VIII. OUR AUTHORS** 248

Анна Дащенко

Академия таможенной службы Украины
ул. Розалева, 8/509, 49000 Днепрпетровск, Украина
Тел.: +38 050 199 3602
E-mail: anna2508@bk.ru

Область научных интересов автора: китайская поэзия династии Сун

ЛИЧНОСТНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СТИЛЯ И-АНЬ: ЦЕННОСТНЫЕ УСТАНОВКИ ЛИ ЦИНЧЖАО

Данная статья посвящена выявлению личностного измерения стиля И-ань, то есть совокупности ценностных установок китайской поэтессы династии Сун Ли Цинчжао (1084–1155), проявляющихся в идейно-образном содержании ее цы столь явно, что последние издавна производят впечатление (по-настоящему) мужских. В качестве эмпирического материала исследования выступает 41 стихотворение в жанре цы, авторство которых не вызывает сомнений у большинства ученых. Все цы были разделены на три периода: «Молодость, или До замужества» (1099–1101), «Замужество» (1101–1127) и «После завоевания страны и смерти мужа» (1127–1155). Выдвинута гипотеза, согласно которой творчеству Ли Цинчжао присущи традиционно «мужские» ценности, а именно: а) безусловный примат учености и литературной деятельности в целом; б) акцент на трансцендентальном, в частности, сосредоточенность на нематериальном.

Данная гипотеза была проверена при помощи обращения к хроматическим рядам в цы Ли Цинчжао (желтый, зеленый, черный цвет и «бесцветные» цы), что позволило продемонстрировать, как ее сугубо личные переживания встраиваются в общий космологический и онтологический контексты. В частности, желто-золотой спектр ее цы демонстрирует безусловный приоритет для Ли Цинчжао не материального богатства, а того, что может быть названо духовным. Сине-зеленый спектр цы Ли Цинчжао показывает процесс постижения ею собственного я, безусловную ценность собственной самости и стремление утвердить ее в веках путем занятий из исконно мужской сферы деятельности. Черный цвет указывает на явный акцент на трансцендентальном, а увеличение к концу жизни «бесцветных» цы, т. е. сознательный отказ от хроматических пластов, выступал для Ли Цинчжао стратегией, посредством которой она подчеркивала процесс постижения собственной самости.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ли Цинчжао, цы, личностное измерение, стиль И-ань, хроматический ряд, цветовая гамма, желтый, зеленый, черный (цвет), «бесцветные» цы.

Поэзия – это особый язык, в котором значимы все элементы: каждое слово занимает свое особое место и его позиция не является случайной. Будучи языком образов, поэзия всегда открыта для новых

смыслов, новых уровней прочтения и новых трактовок. Все сказанное особенно верно в отношении китайской поэзии, так как это своеобразный мир, пронизанный символикой и образностью уни-

кальной многотысячелетней культуры. Адекватное понимание и интерпретация китайской поэзии предполагает принятие во внимание того, что в китайской картине мира иероглифы, описывающие цвет, не просто называют определенные участки цветового спектра, но также конструктивным образом отражают те или иные ценности автора.

Проблемой данной статьи является изучение стиля И-ань (易安), основательницей которого является выдающаяся китайская поэтесса династии Сун Ли Цинчжао (1084–1155), наиболее значимые свои произведения написавшая в жанре *цы* (Dжао 2010: 7; Rydholm, 1998: 208–209).

При изучении особенностей стиля И-ань следует в первую очередь опираться на эвристичное понимание стиля, применимое к средневековой китайской поэзии. С точки зрения нашего исследовательского и переводческого опыта искомым определением выступает то, что было дано А. Соколовым (1968: 30) и впоследствии апробировано М.-Н. О. Османовым (1974) на материале персидско-таджикской поэзии IX–X вв.: «Стиль есть художественная закономерность, объединяющая в качестве его носителей все элементы художественного целого и определяемая в качестве его факторов идейно-образным содержанием, художественным методом и жанром данного произведения». Соответственно, изучение стиля И-ань в качестве необходимого элемента предполагает внимание к ценностным установкам поэтессы, обуславливающей преобразование жанровых возможностей, предзаданного поэтического словаря и художественных приемов в некое уникальное (поэтическое) целое.

Отсюда, цель данной работы заключается в выявлении личностного измерения стиля И-ань, то есть совокупности ценностных установок Ли Цинчжао, проявляющихся в идейно-образном содержании ее *цы* столь явно, что последние издавна производят впечатление (по-настоящему) мужских.

В качестве эмпирического материала исследования выступает 41 стихотворение в жанре *цы*¹, авторство которых не вызывает сомнений у большинства ученых. Основным методом анализа является контент-анализ, представляющий собой «исследовательскую технику получения из текстов (или другого значимого содержания) воспроизводимых и валидных выводов относительно контекста их использования» (Krippendorff 2004: 18).

Как отмечает Чэнь Цзунмэй (2004: 108), «в свое время стиль И-ань был одной из больших популярных тем в исследовании творчества Ли Цинчжао». По сути, сама поэтесса обусловила особенности разработки данной проблематики: первый в истории Китая трактат «Рассуждения о цы» (词论), посвященный жанру *цы* и написанный Ли Цинчжао, подавляющим большинством поэтов, комментаторов и ученых **воспринимался, в первую оче-**

¹ *Цы* (词) – это стихотворения, которые создавались на заданную мелодию и изначально предназначались для песенного исполнения. Однако со временем мелодии были утеряны, и осталась только четкая привязанность названия мелодии к шаблону для написания самого стихотворения. Другими словами, все *цы*, написанные на одну мелодию, имели одинаковую структуру, в частности, деление в большинстве случаев на две строфы, одинаковое количество иероглифов как во всем стихотворении, так и в каждой строке, одинаковое количество рифм, использованных в определенных строках и т. д. Кроме того, *цы* были ограничены в выборе тем: их преимущественно использовали для выражения таких чувств, как любовь, печаль и радость.

редь, в качестве аполонии стиля И-ань, и лишь во вторую – как (адекватное) описание отличительных особенностей жанра *цы* в целом.

Обращение к современным работам, посвященным стилю И-ань, показывает, что исследователи под последним понимают буквально то, что поэтесса говорила в своем трактате о жанре *цы* в целом. Так, одни ученые в качестве характеристик стиля И-ань называют понятный язык, гармоничную рифму, нежный и иносказательный стиль выражения и очарование стихов (周桂峰 2002; 向梅林 2006), другие же ограничиваются изучением какой-то одной особенности стиля И-ань, например, простого языка (李秀义 2008; 木斋 2009; 郭鹏 2010; 许金榜 1985). В качестве своеобразного итога можно рассматривать работу Чэн Цзин-цзин (2007), где перечислены обобщенные в течение столетий четыре основных аспекта данного стиля: художественное выражение, естественный стиль письма, особый взгляд на *цы*, а также индивидуальность и изящество.

Подобный консенсус китайских исследователей различных эпох, находящийся в жесткой зависимости от представлений самой Ли Цинчжао, может показаться симптомом закоснелости литературоведческой рефлексии. Проблема, однако, заключается в том, что основополагающая характеристика *цы* – соблюдение чередования тонов – на современном этапе не может быть верифицирована, как минимум, по двум причинам. Во-первых, «лингвисты не могут реконструировать действительное произношение иероглифов в эпоху Сун» (Rydholm 1998: 127), потому нет возможности узнать, с каким тоном читался тот или иной иероглиф. Вторая

причина – *цы* обычно писались не только на конкретные мелодии, утерянные на сегодняшний день, но также и для конкретного исполнителя. Это налагало ограничения даже на уровне мужского или женского голоса, не говоря уже о более точных классификациях.

Таким образом, именно невозпроизводимость фонологических характеристик и обусловила зависимость современного китайского литературоведения от категориального аппарата, сложившегося в эпоху Сун. Это, в свою очередь, привело к тому, что «критические замечания зачастую выражены таким образом, что они сами напоминают лирическое описание и впечатление» (Kang-I Sun Chang 1980: xi), а стиль рассматривается как набор субъективных оценок и впечатлений.

Данная зависимость нигде, пожалуй, не проявляется столь зримо, как при интерпретации личности Ли Цинчжао, на теоретическом уровне неотделимой от обсуждения стиля И-ань. В качестве примера можно привести последние работы, посвященные исключительно реконструкции биографии поэтессы, где роль субъективных впечатлений и оценок парадоксальным образом уравнивается в своем статусе с твердо установленными фактами (诸葛忆兵 2004; 黄盛璋 1974; 于中航 1995; 于中航 1986; 陈祖美 1995; 马彬 1971; 南宮搏 1996; 王璠 1987).

Там, где китайские ученые констатируют некое событие, уделяя основное внимание тому, происходило ли оно на самом деле или нет, западные исследователи склонны говорить о значимости или влиянии этого события на личность Ли Цинчжао, не проявляя, однако, особой заинтересованности в установлении аутентичности данного события.

Общим для китайской, англоязычной и русскоязычной традиции реконструк-

ции биографии Ли Цинчжао выступает отождествление ее личности с внешними событиями, сопутствующими ее жизни. Например, юность Ли Цинчжао была лишена таких событий, как война, бегство, тюрьма, смерть родных, а потому ее жизнь описывается в соответствующем ключе: «Безоблачной, согретой любовью родных и друзей пролетела юность» (Басманов 1974: 7), когда «она наслаждалась жизнью любимой и образованной дочери высокопоставленного чиновника» (Pannam 2009: 1). Соответственно, сама Ли Цинчжао описывается как «красивая, остроумная, кокетливая» (Rexroth 1979: 85) и «беззаботная девушка» (Hsu 1994: 75). Однако беглый взгляд на чувства, выражаемые в *цы* Ли Цинчжао в период, предшествующий замужеству, показывают, сколь шатки на самом деле попытки исследователей вывести личностные черты из происходящих (или не происходящих) событий².

Поэтому, исходя из того, что индивидуальный стиль писателя или поэта неразрывно связан с личностью самого автора, наше внимание обращено на выявление ценностных установок Ли Цинчжао, при помощи которых можно будет исправить упущения, которыми характеризуются работы, посвященные реконструкции биографии Ли Цинчжао, и приблизиться к пониманию стиля И-ань.

Данную попытку выявления так называемого мировоззрения, конституирующего жанрово-стилистическое своеобразие творчества Ли Цинчжао в части, касающейся выражаемых установок по

отношению к миру, мы предпримем на основе хроматического пласта ее поэзии. Внимание к цветовой насыщенности *цы* не случайно, поскольку понятие цвета в китайской цивилизации изначально было вплетено в космологические или даже онтологические представления.

Так, онтологическая основа выделения «пяти цветов (у-цай) в китайской философии была связана с идеей о пяти первоэлементах, трактовавшихся как знаки или главные индикаторы рядов, на которые делились абсолютно все явления мира» (Осенмук 2001: 191). Что касается укорененности цвета в космологии Китая, то в соответствии с традиционным китайским делением мироустройства на пять стихий, впервые изложенном в «Книге перемен» (*И цзин*), цветовая символика сводится к пяти основным цветам, образующим нормативную хроматическую гамму – *У сэ* (五色 *Пять цветов*), где, например, *сине-зеленый* цвет 青 (*qīng*) соотносится с такими категориями, как весна, утро/восход, рождение, ветер, гнев и т. д. (Еремеев 2005: 55).

Таким образом, обращение непосредственно к хроматическим рядам в *цы* Ли Цинчжао позволяет продемонстрировать, как ее сугубо личные переживания встраиваются в общий космологический и онтологический контексты. Отталкиваясь от особенностей цветовой насыщенности *цы* Ли Цинчжао, мы планируем выявить в ее творчестве традиционно «мужские» ценности. Это в свою очередь отсылает к необходимости прояснить, что именно понимается под «мужскими» ценностями в целом и в китайской культуре (династии Сун) в частности.

Прежде всего, мы должны решительно отвергнуть популярную точку зрения, согласно которой «мужские» ценности

² Так, если брать однозначно атрибутируемые *цы*, то из пяти стихотворений, написанных Ли Цинчжао до брака с Чжао Мин-чэном, четыре (80 %) однозначно выражают грусть и печаль.

связываются с материальным успехом, владением некими вещами, движением к прогрессу и т. д. Подобное воззрение путает следствие с причиной, поскольку все вышеперечисленное есть не что иное как эпифеномен реализации в современном западном «обществе потребления» некоего набора более-менее устойчивых личностных качеств. К числу последних относят «доминирование, независимость, рациональность, аналитический склад ума, амбициозность, активность, соперничество» и т. д. (Масионис 2004: 438). В более универалистских терминах тот же набор качеств может быть описан, как «фаллоцентричность, универсальность понятия субъекта, отождествление с сознанием, способность к саморегуляции, рациональная действующая сила, рациональность, способность к трансценденции, отрицание телесного происхождения или объективирование тела» (Брайдотти 2000: 235).

Именно эти характеристики, означающие победу «над ребяческим нарциссизмом, который не только отличается от взрослой роли, но и противоположен ей» (Гилмор 2005: 230), обеспечивают выполнение главной функции маскулинности. Последнюю Д. Гилмор (2005: 232) описал как «барьер, который общество возводит против энтропии, врагов в виде людей, сил природы, времени и всех тех человеческих слабостей, которые подвергают группу угрозе». Отсюда, маскулинные ценности связываются не с эгоизмом, себялюбием, безразличием и жадной наживы, а напротив «всегда включают критерий бескорыстной щедрости, доходящей до жертвенности. Снова и снова мы видим, что “настоящие” мужчины – это те, кто дает боль-

ше, чем получает; они служат другим. Настоящий мужчина щедр даже в ущерб себе... “Не мужчины” обычно отмечены стигмой жадности и непродуктивности» (Гилмор 2005: 235).

Это представление о маскулинности релевантно и в китайской культуре династии Сун, особенно при обращении к ценностям, непосредственно распространенным в среде, из которой вышла Ли Цинчжао, т. е. *шидафу* (士大夫) или *служилые люди*. Социальная идея *ши* включает, прежде всего, осознание «своего великого назначения и решимости претворить его» (Малявин 2007: 223). Это обусловило «элитарную исключительность и всеобщность поистине “океанического” масштаба» (Малявин 2007: 225) в качестве основных характеристик представителя данного сословия. Ян Юнь также подчеркивал безразличие к материальному обогащению: «Неустанно стремиться к гуманности и справедливости, страшиться только, что не сможешь управлять народом, – таковы думы сановных мужей. Неустанно стремиться к выгоде, страшиться только трудностей и лишений – таково дело простолюдина» (цит. по: Малявин 2007: 230).

В пользу того, что Ли Цинчжао действительно можно рассматривать в качестве представительницы данного сословия вопреки ее половой принадлежности, можно привести два аргумента. Во-первых, к Ли Цинчжао неоднократно обращались, «называя ее *шидафу*» (王仲闻 2000: 208), несмотря на то, что она не могла претендовать на сдачу экзаменов и получение ученой степени и, соответственно, государственной должности. Во-вторых, Ли Цинчжао себя называла Отшельницей И-ань, а в

соответствии с китайской традицией, сложившейся еще в эпоху Хань, отшельниками, как правило, становились «служилые люди», не согласные с политической ситуацией в стране (Малявин 2007: 260–277).

Комбинация «служилого человека» и отшельника, т. е. осознание собственного высокого предназначения и невозможности его достичь в современных условиях, обуславливало обращение к другим видам деятельности, из которых наиболее распространенным было занятие литературой. Это, в частности, находит свое отражение в соответствующих императивах, дихотомическим образом предписывающих тот или иной тип поведения. Так, основатель неоконфуцианства, философ и государственный деятель Чжу Си (1130–1200) утверждал, что «женщины, не имеющие способностей, являются добродетельными» (Джао 2010: 141–142). Сами женщины также указывали, что «занятие литературой – это не женское дело» (Джао 2010: 175).

Таким образом, в качестве «мужских» ценностей, встречающихся в поэзии Ли Цинчжао, мы ожидаем увидеть, во-первых, акцент на трансцендентальном, в частности, сосредоточенность на нематериальном и, соответственно, отказ от всего, что ассоциируется с материаль-

ным обогащением, наживой и т. д. Во-вторых – безусловный примат учености и литературной деятельности в целом, имплицитно достигающий бессмертия «исконно мужским способом», т. е. не через реализацию биологического начала, а через создание произведений, оставшихся в памяти потомков.

Для выявления этих ценностей мы рассмотрим не все пять нормативных цветов, связанных с «идеей о пяти первоэлементах», а лишь те, область символизации которых позволяет надеяться на обнаружение соответствующих ценностей. Таковыми цветами являются желтый, зеленый, черный и отдельно выделяемый нами бесцветный (об их символике см. ниже).

Ниже представлена сводная таблица, в которой все однозначно атрибутируемые *цы* Ли Цинчжао разделяются одновременно на аутентичные цветовые обозначения и три периода жизни, наиболее часто описываемые в соответствующей литературе. Речь идет о таких периодах как «Молодость, или До замужества» (1099–1101), «Замужество» (1101–1127) и «После завоевания страны и смерти мужа» (1127–1155). Всего нами было учтено 41 *цы*, из которых 5 относятся к первому периоду и по 18 – ко второму и к третьему.

Таблица 1. Распределение цветов в 41 *цы* Ли Цинчжао

	Молодость (1099–1101)	Замужество (1101–1127)	После завоевания страны (1127–1155)	Всего
Желтый (黃)	3	11	7	21
Зеленый (青)	1	6	6	13
Черный (黑)	–	–	1	1
Без цвета	2	6	8	16

Наш анализ мы начнем с *желтого цвета* 黄 huáng³ в *цы* Ли Цинчжао, который традиционно рассматривается как «наиболее противоречивый по своей символике – от позитивного до негативного, в зависимости от контекста и оттенка» (Тресиддер 1999: 96). В негативном значении его «связывают с приближением срока смерти и с загробной жизнью» (Тресиддер 1999: 97), поскольку он «соотносится с цветом осенней, т. е. увядающей, растительности и, следовательно, выступает знаком осени как конца года и конца человеческой жизни (старости)» (Кравцова 2004: 365). В позитивном значении в Китае желтый цвет является «символом царственности, достоинства... а также оптимистическим свадебным цветом юности, девственности, счастья и изобилия» (Тресиддер 1999: 97). Он считается «очень благоприятным в Китае, когда символизирует славу, успех и продвижение» (Eberhard 1988: 322).

Как можно видеть, в первом периоде Ли Цинчжао использует желтый цвет 3 раза, во втором периоде количество желтого цвета резко возрастает – 11 раз, и в третьем периоде наблюдается уменьшение упоминаний желтого цвета – 7 раз.

Эти данные в значительной мере противоречат подавляющему большинству существующих реконструкций биографий Ли Цинчжао. В частности, обычно указывается, что, будучи юной (и счастливой), поэтесса жила в атмосфере знатности и богатства, в мире чистоты, утонченности и гармонии (Hsu 1994: 74; Басманов 1974: 7; Pannam 2009: 1). Не

³ При анализе учитывались упоминания не только самого желтого цвета (黄), но и цветов, образующих желтый хроматический ряд, в частности, *золотистый* (金 jīn) и *янтарный* (琥珀 hǔpò).

касаясь вопроса счастья, утонченности и тому подобных материй, укажем лишь на то, что распределение в *цы* Ли Цинчжао цвета, отвечающего за богатство, показывает, что *период до замужества у нее ассоциируется с наименьшим богатством*.

Этот вывод может показаться странным, учитывая то, что Ли Цинчжао выросла в известной семье ученых и высокопоставленных чиновников. Ее отец Ли Гэфэй (李格非 1045–1105) «был настолько прославленным ученым, что его биография помещена в официальную историю династии Сун», где он описывается как «умный и рано проявивший свои способности» (Dжао 2010: 23). Свою карьеру он начал в должности провинциального чиновника, занимающегося вопросами образования и сдачи экзаменов, и дослужился до поста помощника министра в Министерстве церемоний, академика и управляющего Императорской Академией в столице. Однако более показательным, чем занимаемая должность, является равнодушие отца Ли Цинчжао к материальному обогащению (Dжао 2010: 24).

Таким образом, говорить о том, что жизнь Ли Цинчжао до замужества проходила в атмосфере достатка, не приходится. Более того, сама Ли Цинчжао говорила об этом прямо, указывая в «Послесловии к запискам о бронзе и камнях» (金石录后序), что «赵、李族寒, 素贫俭»⁴.

О материальном благополучии ее семьи (вместе с Чжао Минчэном) можно судить также по словам Ли Цинчжао. В частности, она пишет, что через два

⁴ «Обе семьи – и Чжао, и Ли – были бедны, просты [в общении] и вели скромную жизнь».

года после замужества, «后二年, 出仕宦, 便有饭蔬衣練, 穷遐方绝域»⁵. А жизнь в течение более 10 лет в Цинчжоу она характеризует следующим образом: «仰取俯拾, 衣食有餘»⁶, однако «故虽处忧患困穷»⁷.

Это достаточно неожиданные слова, поскольку количество упоминаний желтого цвета возрастает почти в четыре раза во втором периоде – с 6,3 % до 22,9 %. Для того чтобы разобраться в том, почему данные хроматического пласта противоречат тексту автобиографии, обратимся к *Послесловию* еще раз. В этом автобиографическом тексте Ли Цинчжао не только описывает подчас тяжелое финансовое положение совместной с Чжао Минчэном семьи, но также указывает и на его причины. В частности, она упоминает, что «连守两郡, 竭其俸入以事铅槩»⁸. Даже в тот период, когда они «饭蔬衣練»⁹, ее мужу удавалось «尽天下古文奇字之志»¹⁰. Как итог, пишет Ли Цинчжао, «始谋食去重肉, 衣去重采, 首无明珠翡翠之饰, 室无涂金刺绣之具»¹¹

⁵ «Когда [его светлость] поступил на службу, [мы] все также питались неочищенным рисом и носили одежду из грубого полотна, испытывая во всем крайнюю нужду...».

⁶ «[Мы] снимали [все находящееся] сверху и подбирали [то, что лежало] под ногами, [хотя] еды и одежды [у нас] было предостаточно».

⁷ «Временами одолевали печали, и [мы] находились в тяжелом [финансовом] положении».

⁸ «[Когда его светлость] дважды занимал пост начальника области, [он] все свое жалование тратил на покупку книг».

⁹ «Питались неочищенным рисом и носили одежду из грубого полотна».

¹⁰ «Ездить на край света, чтобы собрать со всей Поднебесной древние тексты, написанные иероглифами в разных стилях».

¹¹ «[Я] стала отказываться от мяса на обед, не носила расшитые платья из шелка, [у меня] не было украшений для волос из жемчуга и перьев зимородка, а в [моей] комнате не было позолоченных или украшенных вышивкой предметов».

Таким образом, данные желтого хроматического пласта в *цы* Ли Цинчжао оказываются даже более надежным свидетельством, чем скупые строки ее автобиографии. Другими словами, несмотря на крайнюю нужду, отсутствие мяса на обед и позолоченных предметов в комнате, Ли Цинчжао именно в этот период не была бедной, поскольку все деньги тратились на книги и предметы искусства. Это то, что можно назвать относительным богатством, поскольку все эти вещи легко можно было конвертировать назад в деньги.

Что касается представленности желтого цвета в третьем периоде, то его количество уменьшается по сравнению со вторым периодом с 22,9 % до 14,6 %. Однако упоминаний желтого цвета почти вдвое больше, чем в *цы* первого периода. Это противоречит устоявшемуся мнению исследователей, указывающих на потерю всей коллекции, статуса и в целом огромные лишения, претерпеваемые Ли Цинчжао после смерти мужа.

Тем не менее, имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют скорее в пользу надежности свидетельств, черпаемых из хроматического пласта в *цы* Ли Цинчжао этого периода. Так, по словам самой Ли Цинчжао, «时犹有书二万卷, 金石刻二千卷, 器皿茵褥可待百客, 他长物称是»¹².

О стоимости оставшейся коллекции можно приблизительно судить по попыткам купить у поэтессы некоторые предметы из этого собрания. В частности,

¹² «В то время оставалось еще около 20 тысяч свитков книг и 2 тысячи *цзюаней* о надписях на бронзе и камнях, [а также] такое количество посуды и постельных принадлежностей, что можно было принять сотню гостей; были и другие ценные предметы»

«врач императора Ван Цзи-сянь в день *жэнь-чэнь* (壬辰)¹³ дополнительного 8 месяца третьего года под девизом Цзянь-янь купил у семьи Ли Цинчжао древних сосудов на 300 *лянов*¹⁴ золота, что по времени меньше месяца после смерти Минчэна» (徐培均 2009: 331).

Более того, ко времени второго замужества поэтессы (1133), несмотря на все потери имущества, она была достаточно богатой женщиной, т. к., по словам Ли Цинчжао, ее второго мужа привлекло именно ее богатство: «惟求脱去; 彼素抱璧之将往, 决欲杀之»¹⁵.

Таким образом, можно утверждать, что жизнь Ли Цинчжао, несмотря на все ее потери и лишения, в материальном отношении все же была достаточно обеспеченной. Об этом, в частности, свидетельствует большое число предметов роскоши, которые в ее *цы* ассоциируются с золотистым цветом. Однако желтый цвет в ее однозначно атрибутируемых *цы* употребляется не менее часто, чем золотистый.

Отсюда, можно предположить, что богатство для Ли Цинчжао не было синонимом счастья, удовлетворенности и спокойствия. Это не только опровергает

подавляющее большинство реконструкций ее биографии, в которых проводится однозначное соответствие между некоторыми событиями, их символами или индикаторами и ее психическим состоянием, но также отсылает к тому, что личность Ли Цинчжао нельзя напрямую измерить по устоявшейся шкале ценностей. И тесная связь богатства и материального благополучия со смертью и увяданием – лучший тому пример.

Таким образом, наша первоначальная гипотеза о преобладании в мировоззрении Ли Цинчжао маскулильных ценностей с их традиционным акцентом на нематериальном находит свое подтверждение. В частности, желто-золотой спектр ее *цы* демонстрирует безусловный приоритет для Ли Цинчжао не материального богатства, а того, что может быть названо духовным. Вместе с тем, это также имплицитно однозначно положительное восприятие со стороны Ли Цинчжао учености и всего того, что с ней связано, что становится более очевидным при обращении к сине-зеленой гамме.

Сине-зеленый цвет 青 qīng¹⁶ «символизирует прежде всего надежду» (Бидерманн 1996: 93) и «ассоциируется с жизнью растений (в более широком смысле с весной, молодостью, обновлением, свежестью, плодородием и надеждой)» (Тресиддер 1999: 108).

Результаты, представленные в Таблице 1, достаточно неожиданны. В частности, в первом периоде, который для многих исследователей ассоциируется с молодостью, соответствующий цвет

¹³ Это соответствует 8 октября 1129 г., а Чжао Мин-чэн умер 10 сентября 1129 г.

¹⁴ *Лян* 兩 – мера веса, при правлении династии Сун равная 37.301 г., т. е. за сосуды заплатили более 11 кг золота.

¹⁵ «[Все, к чему он] стремился – это лишь улучшить свое положение, с самого начала твердо решив [меня] убить и просто поджидая [такой же ситуации, как и с обладателем] драгоценной яшмы». Это аллюзия на историю из *Цзо-чжуань* (左传): «[Чжуан-гун] сказал: “Если сохраните мне жизнь, я подарю Вам драгоценную яшму”. На что Цзи ответил: “[Если я] убью Вас, кому же, [как Вы думаете], достанется [эта] яшма?”. После чего он убил его и забрал яшму». Сочетание 抱璧 (дословно: *держат яшму*) стало использоваться в значении «обладая ценностями, привлекать грабителя».

¹⁶ При анализе учитывались упоминания не только самого сине-зеленого цвета (青), но и цветов, образующих зеленый хроматический ряд: в частности, зеленый (绿 lǜ), бирюзовый (碧 bì) и изумрудный (翠 cuì).

появляется лишь 1 раз. Во втором и третьем периодах их количество одинаково и равняется 6.

Если попытаться взглянуть на эти данные с точки зрения значимости зеленого цвета, то основной вывод может показаться абсурдным и противоречащим здравому смыслу: *никогда Ли Цинчжао не чувствовала себя более молодой, чем в старости, и никогда она не ощущала себя менее молодой, чем в молодости.* Для правильной интерпретации этих данных рассмотрим особенности распределения цветов сине-зеленого хроматического ряда в каждый из периодов ее творчества, сравнивая эти данные с установленными фактами биографии поэтессы.

На примере данного хроматического пласта *цы* Ли Цинчжао можно выделить как минимум три вида молодости: хронологическую, реляционную и обретенную/самостную.

Хронологическая молодость может быть проиллюстрирована ссылкой на первый период, который и в представлении комментаторов, и в достаточно простых *цы* Ли Цинчжао предстает таким этапом, который лишен каких-либо знаковых событий. Это просто отрезок жизни, описываемый тем, что его оттеняет, а не тем, что он есть сам по себе: он находится между самим фактом рождения и самим фактом замужества, и ничего более.

Реляционную разновидность молодости можно увидеть во втором периоде жизни Ли Цинчжао, когда количество сине-зеленых цветов резко увеличивается с 2,1 % до 12,5 %. Это может быть связано с тем, что именно в этот период она вместе с мужем занимается исследованием, коллекционированием и

классификацией собранной коллекции: «每获一书，即同共勘校，整集签题。得书画彝鼎，亦摩玩舒卷，指摘疵病，夜尽一烛为率»¹⁷.

Таким образом, можно предположить, что для Ли Цинчжао, действительно любившей своего мужа, молодость во время брака с Чжао Минчэном ассоциировалась с совместным коллекционированием предметов искусства, антиквариата, книг и картин, их систематизированием и составлением каталога. Другими словами, это все то, что составляло смысл жизни для Чжао Минчэна, поскольку сама Ли Цинчжао ни до, ни после замужества не была замечена в любви к подобным действиям. Именно поэтому этот вид молодости мы называем реляционным, подразумевая то, что собственную молодость Ли Цинчжао прописывает – посредством любви к мужу – через любимое занятие Чжао Минчэна.

С точки зрения предыдущих рассуждений столь же высокая частота встречаемости сине-зеленых цветов в третий период кажется необъяснимой. В самом деле, этот период ученые обычно описывают как старость Ли Цинчжао, связывая это, прежде всего, со смертью мужа и потерей социального положения вследствие захвата страны чжурчжэнями.

В качестве гипотезы, снимающей ранее указанное противоречие, можем выдвинуть положение, согласно которому речь в данном случае идет о дру-

¹⁷ «Купив книгу, мы вместе сравнивали ее [с другим экземпляром] и прикрепляли к ней табличку с надписью, [делая ее] частью [нашей] коллекции. Приобретая книгу, картину, жертвенный сосуд или тренажник, с наслаждением проводили рукой по поверхности; [если это был] свиток, разворачивали [его], находя при этом все изъяны и [занимаясь этим] до глубокой ночи, пока свеча не догорала до конца».

гой разновидности молодости в жизни Ли Цинчжао, обретенной или самостной. Иначе говоря, мы полагаем, что потеряв все, что раньше ее определяло (семья, статус, муж, коллекция и т. д.), Ли Цинчжао обращается к себе и постигает свою самость, более не обремененную всем внешним. В качестве подтверждения можно указать, что, несмотря на жизненные трудности, лишения и потери, в этот период поэтесса продолжает интенсивно писать. Именно в это время она редактирует работу мужа и пишет к ней свое знаменитое «Послесловие», которое является первой в истории Китая автобиографией женщины. Кроме того, она создает большинство тех *цзы*, которые до сих пор считаются шедеврами китайской поэзии, а также свои знаменитые *ши*. Наконец, впервые в истории Китая в стремлении выделить свое «Я» из всех других она систематизирует и описывает правила игры под названием *дама*¹⁸.

То есть это все то, что обычно связывается с так называемыми маскулинными ценностями, сосредоточенными на логосе и учености. Поэтому неудивительно, что в третьем периоде появляется образ синей лампы. В. Эберхард (1988: 43) отмечает, что этот образ «символизирует исследование, проводимое ученым, кото-

рый продолжает работать за полночь при свете «синей лампы»».

Таким образом, сине-зеленый спектр *цзы* Ли Цинчжао показывает процесс постижения ею собственного «Я», безусловную ценность собственной самости и стремление утвердить ее в веках путем занятий из исконно мужской сферы деятельности. В этом также можно видеть намек на приоритет трансцендентального, поскольку Ли Цинчжао стремиться достичь – и делает это сознательно – (творческого) бессмертия. Однако более явный акцент на трансцендентальном прослеживается при обращении к черному цвету.

Черный цвет 黑 *hēi*, с одной стороны, «ассоциируется с ученостью и образованием» (Кравцова 2004: 368), с другой – используется китайцами «в отношении к неприятным вещам или людям, а также ко всему, что им не нравится в мире» (Xing 2009: 91). В целом же черный цвет выступает символом «темноты, смерти и уважения» (Eberhard 1988: 42).

В 41 *цзы* Ли Цинчжао употребляет иероглиф 黑 *hēi* **черный** один раз в значении *темнота*. С точки зрения устоявшейся области символизации появление черного цвета можно рассматривать с разных точек зрения, но все они, так или иначе, редуцируемы к цепочке ученость – смерть – уважение.

По нашему мнению, упоминание черного цвета может быть проинтерпретировано не столько как желание смерти, сколько как желание признания своих работ со стороны других поэтов и писателей. В этом контексте можно указать на слова самой Ли Цинчжао в «Предисловии к основным правилам игры в скачки» (打马图经序): «不独施之

¹⁸ *Дама* (打马) или *игра в скачки* – одна из древних китайских азартных игр на медных фишках с именами знаменитых скакунов, не сохранившаяся до наших дней. О самой игре и о правилах к ней мы узнаем из трех работ Ли Цинчжао: «Предисловие к основным правилам игры в дама» (打马图经序), «Основные правила игры в дама» (打马图经) и «Поэма об игре в дама» (打马赋). Ли Цинчжао была первой, кто систематизировал и описал правила этой игры, о чем она и указывает в своем предисловии к трактату. По мнению некоторых комментаторов, в этом трактате поэтесса «не столько описывает азартную игру, сколько стратегию, применяемые в военных кампаниях» (Djao 2010: 189).

博徒，实足贻诸好事。使千万世后，知命辞打马，始自易安居士也»¹⁹.

Помимо систематизации правил игры *дама* и первой автобиографии, написанной женщиной, упомянем наиболее очевидное: первенство в *цы*, которое Ли Цинчжао закрепила посредством написания первого в истории трактата об этом жанре.

В целом наша гипотеза о наличии маскулинных ценностей, в частности, приоритете трансцендентального еще раз подтверждается при обращении к черному цвету. Если ранее трансцендентальность интерпретировалась нами как отказ от материального богатства в пользу духовного самопостижения, то в данном случае речь идет о подлинном трансцендентальном бессмертии в истории.

Сосредоточив свое внимание на хроматических пластах *цы* Ли Цинчжао и попытках на этом основании выявить некоторые основополагающие черты личности поэтессы, нельзя обойти вниманием одну чрезвычайно важную с точки зрения преследуемых нами целей – закономерность: цвет постепенно исчезает из ее *цы*.

В частности, к концу жизни количество стихотворений, в которых *нет обозначений цвета*, увеличилось в 4 раза: с 4,9 % в первом периоде до 14,6 % во втором периоде и до 19,5 % в третьем периоде. При этом доля стихотворений, в которых цвет присутствует, увеличилась всего в три раза: с 7,3 % в первом периоде до 29,3 % во втором

периоде и до 24,4 % в третьем периоде. Столь отчетливая тенденция нуждается в соответствующем объяснении.

Как отмечает А. А. Маслов (2005: 222), в Китае «в большинстве случаев творчество тяготеет к пустоте, к размытости как пределу всяческих форм и сюжетов вообще», при этом пустота рассматривается как «самая значимая часть картины» и характеризуется, как «место встречи с “невозможным”, именно абсолютное отсутствие людей, размытость предметов и форм подчеркивают возможность встречи с самим Дао», а предметы, использованные на картине или в стихотворении, «лишь оттеняют присутствие пустоты и обнаруживают ее неисчерпаемость».

Это хорошо видно на примере монохромных пейзажей великого танского поэта, художника и каллиграфа Ван Вэя (王维 701–761), представляющих собой отказ от всего материального, индикаторами которого выступает тот или иной цвет, в пользу беспредельности, оборачивающейся обретением своей самости.

Отталкиваясь от этого, можно предположить, что возрастание в творчестве Ли Цинчжао количества *цы*, лишенных цвета, маркирует отказ от всего материального, т. е. всего того искусственного, что в соответствии с даосской традицией мешает постижению себя и Дао. Если в западной традиции подобное постижение связывалось с логосом, позволяющим отвлечься от качественного своеобразия вещей в пользу того, что отвечает за «вот-бытие», то в Китае, в том числе при династии Сун, существовал совершенно иной подход к постижению всеобщности, а именно

¹⁹ «[Эта работа написана] не только, чтобы помочь игрокам. На самом деле, [это] то, что [я] могу оставить после себя, чтобы через миллионы поколений знали, что игру в скачки первой описала Отшельница И-ань».

отшельничество²⁰ и связанные с ним медитативные практики.

Таким образом, можно предположить, что все более сознательный отказ от хроматических пластов выступал для Ли Цинчжао стратегией, посредством которой она подчеркивала процесс постижения собственной самости. Разнообразные потери и лишения, неоднократно испытываемые ею на протяжении жизни, выступали своеобразным катализатором, вынуждающим осознать иллюзорность всего того, что привязывает к материальному миру (роскошные вещи, коллекции и т. п.), и отвлекающем от Дао собственного и Дао всеобщего.

В этом контексте вполне закономерным выглядит наименьшее количество «бесцветных» *цы* в период до замужества, поскольку нечто данное от рождения, будь то социальный статус или его материальные атрибуты, человек склонен воспринимать как нечто естественное и неизменное. Выйдя замуж и разделив с мужем его страсть к коллекционированию, Ли Цинчжао, насколько можно су-

дить, вынуждена делать выбор в пользу определенных вещей, а потому начинает постигать собственное «Я» более отчетливо. Как указывалось ранее, она вместе с собственным мужем отказывается от денег, роскошных нарядов и изысканной пищи, сосредотачиваясь на коллекционировании и изучении классических книг. Этот акцент на духовном естественным образом усиливается, когда значительная часть собранной коллекции была утеряна, равно как были потеряны социальный статус и близкие люди, вследствие чего у поэтессы больше не было возможности прописывать собственное «я» через связь с другими людьми или через отношения владения теми или другими предметами. Именно тогда ее посещают мысли о творческом бессмертии, собственном предназначении, реализации потенциала, а отражением этого, в частности, становится рост количества «бесцветных» *цы*.

Таким образом, посредством обращения к хроматическим пластам в *цы* Ли Цинчжао нам удалось подтвердить гипотезу о приоритете для поэтессы не материального богатства, а духовного, об однозначно положительном восприятии учености и всего, что с ней связано, а также на приоритете трансцендентального, что подчеркивает отличие ее *цы* от «женской» лирики.

²⁰ Здесь можно указать на то, что литературным псевдонимом Ли Цинчжао было имя Отшельница И-ань (易安居士). Большинство исследователей склоняются к тому, что это имя было выбрано ею в то же время, когда она «назвала свою комнату кабинетом И-ань» (Dжао 2010: 78), т. е. во время жизни в течение более 10 лет в уединении в Цинчжоу с 1107 по 1120 гг., когда ей было от 24 до 37 лет.

Литература

DJAO, W., 2010. *A blossom like no other: Li Qingzhao*. Toronto: Ginger Post Inc.

EBERHARD, W., 1988. *A dictionary of Chinese symbols. Hidden symbols in Chinese life and thought*. London, New York: Routledge.

HSU, KAI-YU., 1994. The Poems of Li Qingzhao (1084–1141). In: LI YU-NING.

(Ed). *Images of women in Chinese literature*. Indianapolis: University of Indianapolis Press, 73–95.

KANG-I SUN CHANG., 1980. *The evolution of Chinese tz'u poetry from late T'ang to Northern Sung*. Princeton: Princeton University Press.

KRIPPENDORFF, K., 2004. *Content Analysis:*

- An Introduction to its Methodology*. 2nd ed. Thousand Oaks: Sage.
- PANNAM, C., 2009. *Music from a jade flute. The ci poems of Li Qingzhao*. Melbourne: Hybrid Publishers.
- REXROTH, K., CHUNG, L., 1979. *Li Ch'ing-chao. Complete poems*. New York: New Directions Publishing.
- RYDHOLM, L., 1998. *In search of the generic identity of ci poetry*. Stockholm: Stockholm University.
- XING, J., 2009. Semantics and Pragmatics of Color Terms in Chinese. In: J. XING (Ed). *Studies of Chinese Linguistics: Functional Approaches*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 87–102.
- БАСМАНОВ, М., 1974. *Ли Цин-чжао. Строфы из граненой яшмы*. Москва: Художественная литература.
- БИДЕРМАНН, Г., 1996. *Энциклопедия символов*. Москва: Республика.
- БРАЙДОТТИ, Р., 2000. Половое различие как политический проект номадизма. In: Е. ЗДРАВОВОСЛОВА, А. ТЕМКИНА (Ред.). *Хрестоматия феминистских текстов. Переводы*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 220–250.
- ГИЛМОР, Д., 2005. *Становление мужественности: Культурные концепты маскулинности*. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- ЕРЕМЕЕВ, В., 2005. *Символы и числа «Книги перемен»*. Москва: Ладомир.
- КРАВЦОВА, М., 2004. *История искусства Китая*. Санкт-Петербург: Лань, ТРИАДА.
- МАЛЯВИН, В., 2007. *Империя ученых*. Москва: Европа.
- МАСИОНИС, ДЖ., 2004. *Социология*. Санкт-Петербург: Питер.
- МАСЛОВ, А., 2005. *Китай: колокольца в пыли. Странствия мага и интеллектуала*. Москва: Алетей.
- ОСЕНМУК, В., 2001. *Чань-буддийская живопись и академический пейзаж периода Южная Сун (XII–XIII вв.) в Китае*. Москва: Смысл.
- ОСМАНОВ, М., 1974. *Стиль персидско-таджикской поэзии IX–X вв.* Москва: Главная редакция восточной литературы.
- СОКОЛОВ, А., 1968. *Теория стиля*. Москва: Искусство.
- ТРЕСИДДЕР, ДЖ., 1999. *Словарь символов*. Москва: ФАИР-ПРЕСС.
- 陳祖美, 2004. 李清照. 臺北市: 知書房出版集團.
- 陳祖美, 1995. 李清照评传. 南京: 南京大学出版社.
- 程晶晶, 2007. “易安体”美学意蕴的历史阐释 – 易安词千年接受史考察. 安徽师范大学学报, № 02, 第191–196页.
- 郭鹏, 康建国, 2010. 情雅致词雅: 从易安体看宋词雅化之路径. 集宁师专学报, № 03, 第13–17页.
- 黃盛璋, 1974. 赵明诚李清照夫妇年谱. In: 周康燮. 李清照研究汇编. 香港: 崇文书店. 第 132–187页.
- 李秀义, 2008. 论易安体的艺术特色. 作家, № 24, 第122–123页.
- 马彬, 1971. 南度以后的李清照. 台北: 台湾商务印书馆.
- 木斋, 宋娟, 2009. 论易安体的写作视角. 黑龙江社会科学, № 01, 第125–129页.
- 南宮搏, 1996. 李清照的後半生. 台北: 台湾商务印书馆.
- 王璠, 1987. 李清照研究丛稿. 呼和浩特: 内蒙古人民出版社出版发行.
- 王仲闻, 2000. 李清照集校注. 北京: 人民文学出版社.
- 向梅林, 2006. 易安体独特风格论析. 长沙大学学报, № 06, 第 98–100页.
- 徐培均, 2009. 李清照集笺注. 上海: 上海古籍出版社.
- 许金榜, 1985. 试论“易安体”的主要特点. 山东师范大学学报, № 04, 第69–74页.
- 于中航, 1995. 李清照年谱. 台北: 台湾商务印书馆.
- 于中航, 1986. 李清照生年杂考三题. In: 于中航. 李清照研究论文选. 上海: 上海古籍出版社, 第 381–391 页.
- 周桂峰, 2002. 论易安体的美学贡献. 淮阴师范学院学报, № 01, 第91–95页.
- 诸葛忆兵, 2004. 李清照与赵明诚. 北京: 中华书局.

Ganna Dashchenko

Ukrainian Academy of Customs, Ukraine

Research interest: Chinese poetry of the Song dynasty

THE IDENTITY DIMENSION OF THE *YI-AN* STYLE: THE VALUE SYSTEM OF LI QINGZHAO

Summary

This article is devoted to revealing the identity dimension of the *Yi-an* style, i.e., the aggregate of the value system of Song poetess Li Qingzhao (1084–1155) becoming apparent in the idea and image content of her *ci* in such a way that her poems appear to be written by male authors. The empirical material for this research consists of 41 *ci*, whose authorship is beyond question according to most scientists. These poems were divided into three periods: Youth or Pre-marriage (1099–1101), Marriage (1101–1127), and After the fall of the dynasty and her husband's death (1127–1155). A hypothesis was made, according to which Li Qingzhao's works

are characterized by traditionally “masculine” values, namely: a) the absolute primacy of scholarship and literary activities in the whole, and b) an emphasis on the transcendental, particularly on immaterial wealth. This hypothesis was tested by applying the chromatic scale to Li Qingzhao's *ci*. Poems containing yellow, green, and black colors, and “achromic” *ci*, were analyzed. This allowed a demonstration of how her highly intimate feelings are embedded in general cosmological and ontological contexts. In particular, the yellow-golden spectrum of Li Qingzhao's *ci* reveals the absolute priority of immaterial or intellectual wealth. A blue-green spectrum shows the process of understanding the Self, the value of her own identity, and striving for being, as remembered by performing the typically “male” activity of writing. Black reveals an emphasis on the transcendental, and the increasing number of “achromic” *ci* toward the end of her life was a strategy for Li Qingzhao to emphasize the process of understanding the Self.

KEY WORDS: Li Qingzhao, *ci*, identity dimension, *Yi-an* style, chromatic scale, range of colors, “achromic” *ci*.

Gauta 2013 03 08

Priimta publikuoti 2013 07 15